

ГЛАВА 1

Красный саван всколыхнулся в последний раз, и его поглотило пламя. Тело, завернутое в погребальный наряд, стало едва различимым за трепещущими языками огня. Черные клубы дыма взвились к серому небу.

Савьер зябко поежился то ли от холода, то ли от пробирающей до костей заунывной песни плакальщиц. Куда отправился отец? Приняли ли его Трое? При жизни он был хорошим человеком, Савьер надеялся, что это зачтется ему и после смерти.

Он украдкой посмотрел на брата, отдающего распоряжения слугам, и стиснул зубы. На лице Лаверна не было ни намек на скорбь, только самодовольство. Тронула ли его смерть отца? Тосковал ли он так же, как тосковал Савьер?

— Пойдем, ты подхватишь болезнь легких.

Старый, согбенный болезнью Фрий, приставленный к Савьеру отцом еще в детстве, протянул руку, чтобы помочь ему, но тот лишь отмахнулся. Разве может призрак болезни заставить его нарушить старинный обычай? Дети должны оставаться у погребального костра до конца. Но, похоже, Лаверн решил пренебречь этой традицией.

— Ты не останешься? — спросил у него Савьер.

Тот обернулся, и по выражению его лица Савьер все понял. Ему нет дела до похорон: брата интересует только грядущий ритуал передачи венца.

— Тебе тоже не стоит оставаться здесь, — бросил Лаверн, смерив Савьера взглядом. — Не хочу потерять еще одного близкого человека.

Лжец. Лаверн никогда не любил его, никогда о нем не заботился и, судя по сплетням, вообще не считал Савьера братом. Все детство он издевался над ним и наслаждался видом калеки, неловко волочащего за собой ногу.

Он похож на отца. Те же острые скулы, тот же ровный, длинный нос и густые брови, изгибающиеся подобно полумесяцам. Черные волосы и пронзительные серые глаза Лаверн унаследовал от Алых Шипов — родни со стороны матери. Жаль, что характер ему достался тоже материнский.

— Савьер, — настойчиво повторил Фрий, — ты должен вернуться в Дом-Над-Водой, погода стала совсем скверной.

— Ступай. — Савьер махнул рукой, провожая взглядом удаляющегося брата. — Хотя... погоди! Ты не знаешь, кто эти люди?

Трое незнакомцев в темных плащах показались Савьеру подозрительными. Они скрывали лица в тени капюшонов, стояли в стороне, подобно скульптурам, а сейчас зыбкими тенями бесшумно последовали за Лаверном.

— Гости из Дома Убывающих Лун, — тихо ответил учитель. — Твой брат приказал разместить их в...

— Забудь. — Савьер вздохнул. — Я понял.

Не было ничего странного в том, что на похороны прибыли представители Больших Домов. Они собрались, чтобы выразить соболезнования, вот только Лаверн явно не собирался предаваться скорби — по его приказу в главном зале замка уже готовили праздник в честь нового лорда Дома Багряных Вод.

— Пусть его примут Трое.

Савьер оторвал взгляд от носков своих сапог и попытался улыбнуться бледной худощавой девушке. Амели, племянница лорда Барелла. Они часто играли в детстве, ее дядя был хорошим другом отца — их связывали почти семейные узы.

— Я рад тебя видеть, — искренне сказал Савьер и протянул руку.

Амели тут же обхватила его ладонь своими холодными тонкими пальцами и прижала ее к сердцу. Дружба, что была между ними, почти исчезла с годами, и все же что-то еще осталось, едва ощутимое, но теплое.

— Я буду по нему скучать, — прошептала Амели, смаргивая слезы. — Лорд Лаверн был прекрасным человеком.

И обещал, что однажды они поженятся. Жаль только, что он стал затворником до того, как свадьба состоялась. Дядя Амели ждал до последнего дня и отказывал всякому, кто претендовал на руку племянницы, надеясь, что друг придет в себя и долгая помолвка закончится клятвами пред ликами Трех. Но ожидание ни к чему не привело — Лаверн Первый скончался.

Савьер знал, что лучшей партии ему не найти — Амели понимала его и никогда не смотрела так, как смотрели остальные. Она не видела в нем калеку. По крайней мере, ему хотелось так думать. Наследником Дома ему не стать, но кое-какое наследство отец ему оставил, так что они с Амели могли покинуть Дом-Над-Водой и уехать подальше от старшего брата и мрачной громады родового замка.

Посмотрев на Амели из-под опущенных ресниц, Савьер попытался разглядеть жалость в ее взгляде, но не смог. Она все еще считала его равным себе.

— Дядя надеялся, что успеет приехать к церемонии, — сказала Амели.

— Лаверн никогда не славился терпением, — тяжело вздохнув, ответил Савьер.

— Он будет таким же хорошим лордом, каким был ваш отец.

Савьер с сомнением покачал головой.

Волею судеб их старший брат умер в младенчестве, и теперь венец Багряных Вод достанется Лаверну. Тому, кто с самого детства страдал от мучительных головных болей,

приступов необъяснимой ярости и шептался с зеркалами, как и его мать.

Стоило Савьеру представить брата на резном троне отца, как сердце тревожно сжималось в груди. Нет, ему не стать хорошим лордом. Лаверну никогда не заменить отца.

— Пойдем, становится холодно.

Бережно приобняв Амели, Савьер попытался выпрямиться и сохранить остатки достоинства.

Жалкий калека. Урод. Проклятый плод чрева Мэриэль из Дома Золота и Камней.

Он скривился, когда бедро сковала судорога. Ну же, еще один шаг! Только бы не упасть...

Тень старшего брата. Никчемный наследник незаслуженного имени. Лучше бы лорд Лаверн Первый избавился от него сразу после тяжелых родов жены...

Он подтянул ногу и криво улыбнулся Амели, когда та попыталась подставить ему плечо.

— Не нужно.

Ему хотелось сказать это твердо, но голос предательски дрогнул. Ему не нужна жалость, не нужна помощь, только не от нее!

Амели вздохнула, обхватила его за талию и силой заставила опереться на нее. Савьер ощутил жгучий стыд и отвернулся, чтобы она не увидела его горящих щек.

Все совсем как в детстве — он отстаёт от ребятни, а она возвращается за ним, чтобы помочь. Годы идут, но что-то остается неизменным...

— Спасибо, — хрипло пробормотал он, — но я давно не ребенок.

— Я вижу, — просто сказала Амели. — Ты стал юношей, и, как мне кажется, мой дядя все еще не прочь нас поженить.

— Ты считаешь это хорошей идеей? — Сердце Савьера застучало быстрее.

— Мне плевать на твою ногу. Нам всегда было хорошо вместе.

Она не сказала ни слова о любви, но мог ли он рассчитывать на это? Кто полюбит такого, как он? Хромого, калеку от рождения, едва способного подняться по лестнице. Собственное тело стало для него темницей, из которой не выбраться. Женщина, что станет его женой, обречет себя на унылое существование.

— Я почти за честь, если ты выйдешь за меня, — смущенно проговорил Савьер.

— А я с удовольствием стану Амели из Дома Багряных Вод. — Она подмигнула ему и вдруг улыбнулась открытой, беззаботной улыбкой. — Ну же, Савьер, ты ведь знаешь меня! Если бы я не хотела выходить за тебя, меня бы не заставили.

Он хотел сказать что-то теплое, поблагодарить ее, но вместо этого отвлекся, уставившись на низко нависшие тучи и пытаясь разглядеть что-то темное — фигуру, летящую высоко в небесах. Савьер сморгнул, пытаясь прояснить зрение, но тень уже исчезла, будто ее и не было. Неужели показалось? Должно быть, это была птица.

Громада Дома-Над-Водой накрыла их своей тенью. Савьеру всегда было неуютно в фамильном замке. Многие верили, что он проклят из-за того, что первая жена отца была из Дома Алых Шипов, но сам Савьер никогда не слышал ни шепота, ни голосов. Да, мрачные гулкие коридоры пугали его в детстве, но теперь он вырос, и глупые страхи остались в прошлом. Фрий тоже говорил, что сплетни — это всего лишь способ необразованных людей объяснить себе внезапную кончину сначала Лорейн, а затем и Мэриэль. Сам старый учитель верил, что в их смертях не было ничего необъяснимого: первая жена отца была слаба здоровьем, а мать Савьера и вовсе умерла при родах, ей просто не сумели помочь.

Но что насчет самого отца? Савьер часто задавался этим вопросом.

Лаверн Первый был крепок умом и телом и в достаточной мере заботился о своем здоровье. Смерть второй жены подкосила его, но затворником он стал много лет спустя. Статный мужчина, чьей выправкой Савьер восхищался все детство, просто исчез, превратился в запуганного старика, который постоянно кутался в теплый плащ и вздрагивал, когда к нему обращались.

Что-то выжгло из него жизнь, выпило всю силу и оставило пустую оболочку, годную лишь на то, чтобы быть сожженной на погребальном костре.

Савьер бросил неприязненный взгляд на Дом-Над-Водой и почувствовал, как поежилась Амели, когда шум реки стал слишком громким.

Огромную крепость, возвышавшуюся на скале, построили сотни лет назад. Багровая река огибала ее, потоки проносились мимо с оглушающим ревом, который можно было расслышать, даже находясь внутри. Подсвеченные изнутри окна источали слабое алое сияние, делая замок еще более устрашающим.

— И ты согласишься жить здесь? — спросил Савьер, медленно поднимаясь по высеченной в скале лестнице.

— Может, мой муж увезет меня подальше от этого жуткого места? — вопросом на вопрос ответила Амели и усмехнулась. — Мне становится не по себе каждый раз, когда я приближаюсь к нему.

«Мне тоже», — хотел сказать Савьер, но промолчал, решив, что и так выглядит достаточно жалко.

Они вошли в замок и расстались — Амели ушла искать сестру, а Савьер стал медленно взбираться по лестнице, проклиная свою жизнь.

Каждый шаг причинял ему боль — не такую острую, как прежде, но ощутимую и изматывающую. Держась рукой за приколоченные специально для него перила, он пытался сохранять достойный вид, чтобы ни один из гостей,

прибывших в замок, не увидел его мучений. Он все еще стыдился своего увечья.

Савьер стиснул зубы и подтянул ногу.

Говорящие предлагали отцу расторгнуть брак и объявить ребенка незаконным. Но Лаверн Первый поступил как достойный лорд и мужчина — принял новорожденного калеку и похоронил жену, с которой пробыл в браке ровно десять месяцев.

Савьер никогда не видел мать — в замке не сохранилось даже ее портретов, — но отец часто говорил ему, что он на нее похож: что у нее были такие же непослушные кудрявые волосы цвета благородного дерева и темные глаза, сиявшие ярче звезд, когда она была счастлива.

Отец своим примером дал понять слугам, что младшего сына следовало любить и оберегать, потому никто не смел относиться к нему плохо.

Запахавшийся и вспотевший, Савьер ввалился в свою временную комнату и упал на пол. Носу свело судорогой, он принялся растирать ее, но боль становилась только сильнее. Тогда он просто уткнулся носом в ковер и лежал так до тех пор, пока судорога не прошла. Мысленно он трижды проклял черную плесень, покрывшую стены его комнаты на первом этаже и вынудившую его перебраться в другие покои до тех пор, пока от нее не избавятся.

— Господин!

Зоуи, его служанка, встала на колени рядом с Савьером и попыталась его поднять, но он отмахнулся, приподнялся на локтях и, отдышавшись, сказал:

— Приготовь ванну. Мне нужно выглядеть прилично во время церемонии.

Дождавшись, пока она уйдет, Савьер перевернулся на спину и уставился в украшенный искусной резьбой потолок.

Если эти мучения не закончатся, то лучше умереть. Эти мысли успокаивали его, ему нравилось думать о том, что он

имеет полную власть над своей жизнью. Когда станет совсем плохо, он может шагнуть из окна или, на худой конец, утопиться в Багровой реке... Что, разумеется, осуждалось Говорящими и Тремя.

— Вода, господин.

— Помоги мне подняться.

Опираясь на плечо Зоуи, Савьер сумел встать на ноги и доковылять до скрытой за ширмой ванны. Усевшись на металлический край, он облизнул пересохшие губы. Хорошо. Подумаешь, пережил очередной постыдный момент, умоляя служанку о помощи! Из таких моментов, в конце концов, состояла вся его жизнь.

Возможно, он бы не краснел так отчаянно, не будь Зоуи ему симпатична. Он знал ее с позднего детства: отец велел Фрию найти кого-то, кого он сумел бы научить заботиться о младшем сыне, и однажды учитель привел Зоуи. Да, она была служанкой и большую часть времени молчала, потупив взгляд, но Савьеру этого оказалось достаточно, чтобы влюбиться.

Фрий не позволял им сближаться, пресекал любые попытки разговорить Зоуи, но Савьер не оставлял попыток, упрямо продолжая искать внимания хмурой девчонки с удивительными, небесного цвета глазами.

Когда он достаточно подрос для того, чтобы Фрий объяснил ему тонкости отношений между мужчинами и женщинами, Савьер потерял последнюю надежду на то, что Зоуи обратит на него внимание: кто захочет лечь с калеккой? Даже ему было противно от себя, что уж говорить о девушках.

Конечно, он мог ее заставить, брат всегда так делал. Но Савьер не хотел этого. Фрий научил его уважать женщин: он рассказывал о воительницах, защищавших Пятнадцать Свободных Земель наравне с мужчинами, о леди, в руках которых была сосредоточена власть над Большими Домами. Поэтому Савьер не хотел брать Зоуи силой и принуждать

ее к близости. А еще он любил ее. Глупой, безответной любовью.

Горячая вода помогла сведенным мышцам расслабиться, и Савьер испытал ни с чем не сравнимое облегчение. Он провел в ванне куда больше времени, чем планировал, а когда попытался выбраться из нее, едва не свалился на пол, излишне понадеявшись на здоровую ногу. Чудом устояв, он мысленно поблагодарил Трех, обернул полотенце вокруг бедер и вернулся в комнату.

Зоуи развела огонь в камине, приготовила для него одежду и встала рядом с кроватью, готовая помочь ему одеться.

Как же это унижительно! Каждый раз, когда она видела его голым, Савьер сгорал от стыда.

Ему было интересно, что Зоуи думала о нем. Сравнивала ли с братом? Сдерживала ли тошноту, когда видела искаленную ногу? Что она рассказывала подругам-служанкам, когда они оставались одни?

— Я справлюсь сам, — пробормотал Савьер, цепляясь за полотенце. — Мои штаны достаточно широки, чтобы...

— Мне несложно, — перебила Зоуи. — Это моя работа, милорд.

Кое-чего за эти годы Савьер все же добился — теперь она могла перебить его или выразить несогласие, когда они оставались наедине. Зоуи продолжала соблюдать границы, установленные для нее Фрием, но порой позволяла себе вольности, хитро прищуривая в такие моменты глаза.

Савьеру ужасно нравилось, когда она шурилась.

— Я уже не ребенок, — продолжал упрячиться он. — Или мне придется отвоевывать право самостоятельно надевать штаны так же долго, как я отвоевывал самостоятельное купание?

— Я до сих пор не могу простить себе то ваше падение, — пробормотала Зоуи. — У вас ведь шрам на подбородке остался. Если кто-то узнает...

— Не узнает, я ведь обещал. И пока ни разу не нарушил данного тебе слова.

Она прикусила губу, пытаясь принять верное решение. Это Савьер в ней тоже любил.

— Я отвернусь, — наконец сказала Зоуи, — но уходить не стану.

— Договорились.

Она послушно отвернулась и оперлась на один из столбиков кровати.

— Можешь сесть, — сказал Савьер, торопливо натягивая штаны. — Если хочешь.

Последние слова он добавил поспешно, чтобы Зоуи не подумала, что он приказывает ей.

Мало ему было искалеченной ноги, так он даже влюбиться в кого следует не сумел! Насколько проще было бы любить Амели. Будь его чувства к ней так же сильны, как к Зоуи, он бы давно заставил отца поженить их.

Но, к сожалению, их с Амели связывала лишь нежная дружба: они оба знали, что рано или поздно поженятся, и оба смирились с этим.

— Готово. — Савьер оперся на трость и выпрямился. — Что скажешь?

Цепкий взгляд Зоуи скользнул по его лицу, затем переместился ниже. Савьер надеялся, что выглядит хотя бы не жалко.

— Прекрасно, — заключила Зоуи.

Она подошла ближе и беззастенчиво принялась заправлять рубашку за пояс его штанов.

— Сейчас все носят так, чтобы похвастаться украшенными камнями пряжками ремней, — пояснила она, увидев замешательство на лице Савьера. — У вас тоже был такой, сейчас найду.

Она принялась копаться в сундуке, а Савьер прикрыл глаза, стараясь заставить сердце успокоиться. Близость Зоуи сводила его с ума, и он не мог думать ни о чем, кроме

нее. Даже скорбь по отцу отступила, что ужасно его огорчало: скорбеть по почившему родителю следовало не меньше двадцати дней.

«Меня покарают Трое, — думал он, разглядывая склонившуюся над сундуком Зоуи, — и это будет совершенно заслуженно».

Заповедями Трех в их семье принято было пренебрегать. Как любил говорить Фрий: «Для лордов и леди Больших Домов существуют лишь те законы, которые им по нраву». Савьер никогда не молился до синяков на коленях, но старался соблюдать заповеди богов так часто, как только мог. К тому же это было единственное, в чем он мог обойти брата — для Лаверна Трех будто не существовало. Даже сегодня он отменил траур по отцу и позволил себе устроить праздник.

— Так намного лучше.

Зоуи отошла и придирчиво осмотрела его. К ушам Савьера прилила кровь, и он выпалил, пытаясь скрыть смущение:

— Можешь идти, дальше я сам.

— Я могла бы проводить вас вниз, милорд. Почему вы не позволяете мне выполнять мою работу?

Она впервые спросила об этом, и Савьер не сразу нашелся с ответом.

— Мне неловко, что я нуждаюсь в твоей помощи, — признался он.

— Но ведь я ваша служанка, я должна заботиться о вас. — Зоуи нахмурилась. — Вы хотите от меня избавиться?

«Я хочу поцеловать тебя уже несколько проклятых лет, хочу, чтобы ты смотрела на меня с тем же обожанием, с которым смотришь на моего брата, хочу...»

— Нет, — бросил Савьер, — я просто хочу спуститься сам.

Поклонившись, Зоуи ушла. Он подождал, пока она отойдет достаточно далеко, покинул комнату и махнул рукой

проходившему мимо слуге. Тот не стал задавать вопросов — подставил плечо и помог Савьеру спуститься.

Он снова задумался о том, позволят ли им с Амели пожениться. Когда дело касалось установления родственных связей между Большими Домами, места для любви обычно не оставалось.

А если Амели полюбит другого?

Савьер отпустил слугу и поправил кружевной воротник рубашки. Лучше не думать об этом. Лаверн может отправить его в монастырь или в фамильный дом на границе, подальше от замка, лишить наследства, и тогда лорд Барелл точно не позволит племяннице связать с ним свою жизнь.

В зале было шумно, слуги сновали меж длинных столов, накрытых белыми скатертями. Лаверн сидел на резном троне их отца и со скучающим видом разглядывал собравшихся. Рядом на каменном постаменте лежал венец Дома Багряных Вод — искусно выкованный и украшенный рубинами, он передавался в их семье из поколения в поколение. Никто не помнил, кто приказал изготовить его, но головы их надменных предков на каждом украшавшем стены замка портрете венчал именно он.

— Брат! — Лаверн лениво улыбнулся и поманил его к себе. — Мы ждали только тебя.

Савьер медленно приблизился к нему и сказал:

— Прости, что заставил ждать.

— Думаю, все понимают, насколько тебе сложно, — с нарочитой жалостью произнес Лаверн. — Сядешь рядом?

Еще три ступени. Нет уж.

— Меня устроит место за общим столом. Ты позволишь?

— Как тебе угодно.

Лишив брата наслаждения лицезреть, как он карабкается по ступеням, Савьер развернулся и медленно пошел в сторону шебечущих между собой Амели и Астары.

Со стороны они казались близнецами, но их характеры были такими же разными, как пламя и лед. Если Амели предпочитала конные прогулки, охоту и занятия с оружием, то Астара все свободное время проводила за шитьем и книгами. И угораздило же отца выбрать Савьеру в невесты именно Амели! Как он будет развлекать ее? Наймет шута?

— Савьер! — Амели улыбнулась ему и указала на свободное место рядом с собой. — Я надеялась, что ты присоединишься к нам.

Он сел и выпрямил ноющую ногу. Астара кротко улыбнулась и принялась шептаться с соседкой, кажется, дочерью одного из лордов какого-то Малого Дома. Странно, что Лаверн позволил прийти на церемонию не только представителям Больших Домов.

— Я рад видеть вас в этом зале! И пусть нас собрало здесь горе, мы не дадим ему омрачить церемонию! — Голос Лаверна заглушил все остальные звуки.

Музыка смолкла, все взгляды устремились к наследнику Дома Багряных Вод. В черно-бордовом костюме, с зачесанными назад волосами он выглядел настоящим лордом, которым пока не стал.

Вперед вышел Говорящий — сухой старик, обрядившийся по случаю в дорогую, вышитую золотом мантию. Взяв с бархатной подушки витой венец Дома Багряных Вод, он поднял его над головой и затянул молитву Матери:

— Всепрощающая и Единая, дающая и принимающая, Великая Мать морей и рек, земель и небес, обрати свой лик на наследника Великого Дома Багряных Вод, Лаверна Второго! Даруй ему мудрость и выдержку, всели в его сердце...

Савьер прижал руку к груди и встал, как и все присутствующие в зале. За молитвой Матери последовала молитва

Мастеру, а за ней — Жнецу. Говорящий закончил свою долгую речь и повернулся, чтобы возложить венец на голову Лаверна. Гости затаили дыхание.

Савьер не завидует брату, никогда не завидовал. Он с самого детства знал, что ему не стать наследником, и принимал это смиренно, но в момент, когда венец коснулся волос Лаверна, по спине пробежал холодок.

Савьер огляделся и заметил темные фигуры в мантиях, стоящие по всему периметру зала. Если это представители Дома Убывающих Лун, то почему их так много? Почему они не заняли места за заставленными едой столами?

Савьера начало мутить. Он сжал набалдашник трости и втянул воздух сквозь сжатые зубы. Это ведь надо было так разволноваться.

— Что ж, — Лаверн поправил венец и обратился к залу, — а теперь я хочу, чтобы каждый из вас преклонил колени!

Стук сердца заглушил возмущенные крики гостей. Савьер попытался оттянуть ставший вдруг тесным ворот, чтобы вдохнуть. Амели повернулась к нему, и он заметил яркие пятна румянца на ее бледном лице. В больших синих глазах застыл вопрос, ответа на который у него не было.

С тех пор как лорды четырнадцати Больших Домов свергли императора Бедивира и уничтожили почти всех представителей его рода, никто не преклонял колен. Эта традиция считалась унижительной долгие годы: лорды лишь пожимают друг другу руки в знак уважения. Свергнув тирана, они поклялись на крови, что их потомкам никогда не придется вставать на колени.

— Давайте же! — Лаверн оттолкнул от себя опешившего Говорящего и взмахнул руками. — Преклоните колени и поклонитесь в верности Лаверну Второму!

— Ты сошел с ума?

Юноша из Дома Наполненных Чаш положил ладонь на рукоять меча и вышел вперед.

— Какое право ты имеешь требовать, чтобы мы присягнули тебе?

— Мой господин, что вы...

Лаверн толкнул Говорящего в грудь, и старик скатился с постамента. К нему бросились слуги и помогли подняться. Савьер хотел было присоединиться к ним, но ему мешали пройти, люди поднялись из-за столов, и зал наполнился гононом.

— Как ты смеешь!

— Какое ты имеешь право?!

— Да кто ты такой?!

Болезненный спазм скрутил нутро, и Савьер согнулся, пытаясь удержать рвущуюся наружу горькую желчь.

— Что он делает? — дрожащим голосом спросила Амели.

— Я не знаю, — задыхаясь, ответил Савьер. — Поверь, я понятия...

С оглушающим треском лопнули витражные окна. В зал ворвался ледяной ветер, а вместе с ним тени, быстро заполонившие все пространство вокруг.

Амели закрыла голову руками, Астара завизжала. Они пригнулись, а сидящая рядом девушка попыталась забраться под стол.

Савьер медленно сполз на пол и попытался разглядеть существ, мечущихся под потолком.

Их тела отдаленно походили на человеческие, но изуродованные, коротконогие и горбатые. Из спин росли большие кожистые крылья, морды были уродливыми, как у летучих мышей. Они вопили и кружили над столами, задевая мощными лапами бокалы и супницы.

Савьер попытался взять себя в руки, но все происходящее казалось дурным сном. Он никак не мог поверить в то, что видел, не мог сосредоточиться на испуганном шепоте Амели, только медленно моргал, пытаясь убедить себя, что уснул на полу в комнате и все происходящее просто ему мерещится.

— Помогите!

Одно из существ схватило зазевавшегося мужчину, подняло к потолку и сбросило вниз. Череп бедняги раскололся с неприятным звуком, который Савьер вряд ли сможет забыть.

Началась паника. Гости ринулись к дверям, но те оказались заперты. Фигуры в мантиях пришли в движение, свечи в зале погасли и вспыхнули вновь, однако пламя их стало зловещего синего цвета. В полумраке Савьер старался нащупать руку Амели, но той не оказалось рядом.

Вскочив, он попытался оглядеться, но найти кого-то в море человеческих тел было невозможно. Отовсюду доносились крики. Савьер запнулся о чье-то тело и упал. Ладони окрасились алым. Он попытался стереть кровь, но лишь испачкал одежду.

— Амели! — в отчаянии выкрикнул Савьер. — Амели!

Поднявшись, он заковылял к дверям, надеясь найти подругу там, но его снова сбили с ног. Трость отлетела в сторону, кто-то наступил на нее, и в гомоне голосов Савьер услышал треск.

— Приведите моего брата ко мне! — раздался громopodobный приказ.

Кто-то схватил его под руки и потащил к трону. Савьер сопротивлялся из последних сил, но самообладание оставило его, когда он увидел Амели, лежащую на столе. Уродливая крылатая тварь припала к ее шее, белое платье потемнело от крови. Остекленевшие глаза девушки смотрели в пустоту.

— Что ты наделал?! — закричал Савьер, вырываясь. — Что ты наделал?!

Дверь зала с треском распахнулась, и выжившие бросились прочь. Чудовища ринулись за ними, а Лаверн усмехнулся и медленно опустился на трон. Савьера бросили на пол, он упал к ногам брата и схватился за край его плаща.

— Что ты наделал? — повторил Савьер, стараясь не смотреть на последствия устроенной бойни.

— Я стану императором, — сказал Лаверн, и его губы изогнулись в насмешливой улыбке.

— Это невозможно! Никто не склонится перед тобой, — прошептал Савьер.

— Перед силой Фаты склонятся все.

Сказавшая это женщина откинула капюшон мантии, и Савьер сжался под взглядом ее белых, лишенных радужки глаз. Нуады редко покидали территорию своего Дома и еще реже бывали приглашены на церемонии и праздники, которые устраивали лорды других Больших Домов. Стоило догадаться, что они не просто так явились на похороны отца — их позвал брат.

— Вы сошли с ума. — Савьер не узнал собственный голос. — Против вас выступят все Дома, вы даже не представляете...

— Покажи ему, с какой силой столкнутся те, кто осмелится пойти против меня, — приказал Лаверн.

Жрица послушно подняла четырехпалые ладони и сделала несколько жестов, складывая из пальцев странные фигуры. Когда она произнесла несколько слов на языке нуад, Савьер увидел вспыхнувший в воздухе символ, тут же опавший пеплом.

Он отвернулся, зажмурился, все еще надеясь, что происходящее — просто кошмар, но, когда открыл глаза, увидел то, от чего его сердце едва не остановилось.

Амели медленно села и посмотрела на Савьера. Рана на ее шее продолжала кровоточить, но девушка неловко встала и, шатаясь, двинулась прямо к трону. В ее глазах не осталось ничего человеческого, движения стали ломаными и неуклюжими.

— Пусть убирается, — сказал Лаверн.

Жрица махнула рукой, и Амели вдруг вздрогнула, встрепенулась, приняхалась, словно дикий зверь, и бросилась прочь из зала. Через мгновение раздался женский крик.

— Что ты с ней сделала?!

Савьер попытался подняться, но брат толкнул его ногой, Савьер скатился со ступеней и упал на липкий от крови пол.

— Теперь все склонятся передо мной, — удовлетворенно произнес Лаверн.

— Да здравствует новый император — Лаверн Второй! — воскликнула нуада.

— Да здравствует Дом Убывающих Лун, — откликнулся Лаверн и поцеловал длинные серые пальцы.

ГЛАВА 2

Полгода спустя

— Вот эта карта говорит о том, что твой путь будет долгим и тернистым.

— Мне не нравится, вытащи другую.

— Нет, дорогая, так это не работает.

— Почему? Разве ты не можешь вытащить карту, которая будет пророчить мне беззаботное будущее?

— Довольствуйся тем, что есть.

— Бабушка!

— Все хотят знать, что их ждет, но никто не желает принимать то, что им не нравится.

Ромэйн подтянула под себя ноги и улыбнулась. Ее бабушка, старшая леди Дома Наполненных Чаш, вытащила из колоды еще одну карту и положила ее на одеяло.

Восседающий на белом коне всадник попирал сваленные в кучу окровавленные тела.

— Это Жнец, — сказала Ромэйн. — Кто-то умрет?

— Жнец не всегда означает смерть, — подумав, ответила бабушка. — Он несет с собой перемены, которые, впрочем, к смерти тоже могут привести. Перемены могут быть разрушительными, но в конце концов они могут пойти на пользу.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

